

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ РИТОРИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М.ЗОЩЕНКО

© 2015 К.С.Поздняков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 30.09.2015

В статье рассматриваются примеры антирелигиозной риторики в творчестве М.М. Зощенко. Начиная с первых лет после завершения гражданской войны, советское правительство боролось за власть с православной церковью. Доказывается, что тексты Зощенко нельзя расценивать как пропаганду атеизма. Литератор создаёт объективную картину происходящего процесса, демонстрируя отсутствие истинной веры в глубинном понимании этого слова.

Ключевые слова: религия, повседневность.

Повседневная жизнь многих советских граждан в начале 1920-х гг. включала посещение церкви, празднование Пасхи и Рождества и т.д. Несмотря на то, что официально в Советской России была провозглашена свобода вероисповедания, подобная религиозная компонента повседневности очень быстро стала раздражать новую власть. Привыкшие к церковным праздникам люди зачастую предпочитали прежние обрядовые формы новым. Так, например, показательна победа церкви в негласном соревновании за популярность среди населения, случившаяся в Ленинграде 1 мая 1921 года, когда «многие горожане, по воспоминаниям сына философа Н.Лосского, предпочли участие в Крестном ходе, начавшемся в Александро-Невской лавре, большевистской демонстрации под красными флагами»¹. Конфликт советской власти и православной церкви – это фактически конфликт между двумя религиями, старой и новой. М.Вайскопф в монографии «Писатель Сталин» справедливо говорит о том, что большевистская риторика отсылала к Новому завету: «апостольской риторикой веры проникнуто великое множество ленинских выступлений. (...) Ненависть к «боженьке» ничуть не мешала Ленину по-библейски изничтожать оппортунистов, «продающих за чечевичную похлёбку своё право первородства», а марксизм, на манер Энгельса, сравнивать с первоначаль-

ным христианством»². Сталин, хорошо усвоив уроки семинарии и старших большевистских наставников, не только продолжил использовать евангельскую образность, но и окончательно достроил здание советской мифологии, выступая в роли Бога-Сына, продолжившего дело Отца (Ленина). Однако для этого насаждения новой мифологии необходимо было устранить основного конкурента, в роли которого и выступала православная церковь. Одним из средств агитации стала художественная литература.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы восстановить контекст повседневной жизни 1920 – 1930-х гг., и, исходя из него, рассмотреть неоднозначность позиции М.Зощенко в отношении антирелигиозной кампании. Думается, что писатель не только безоговорочно поддержал своими произведениями действия правительства в отношении церкви и верующих, но и продемонстрировал специфику отношения советского обывателя к религии.

В первую очередь, Зощенко высмеивает моральный облик священников. «Каков поп, таков и приход», – вот, пожалуй, та формула, которую использует автор. Тема жадного или вовсе преступного священника не нова, она проходит красной нитью сквозь всю мировую литературу. В рассказах Зощенко представлены разнообразные пороки священников. Главный герой «Рыбьей самки» мнит себя гонимым апостолом, являясь заядлым игроком в карты, а развращённость своей жены объясняет общим неверием и «сатанинским бесстыдством». Правда, стоит отметить, что в этом раннем рассказе у автора ещё сохраняется сочувственная интонация, характерная для «Сентиментальных повестей». «Поп»

⁰ Поздняков Константин Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: kpozdneyakov@yandex.ru

¹ Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н.Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 207.

² Вайскопф, М. Писатель Сталин / М.Вайскопф. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 134 – 135.

пока ассоциируется с «бывшими» людьми, не находящими себе места в новом мире. Видно, что главный герой действительно болеет душой за церковь, и этому находят многочисленные подтверждения: рискуя жизнью, подобно Сусанину, поп пытается запутать грабителей; искренне боится того, что храм превратят в кинозал; крупный выигрыш в карты не радует его, потому что он узнаёт об измене жены с человеком, который называет её «старой старухой». Несомненно, что в «Рыбьей самке» автор пародийно переосмысливает жанр агиографии, ведь герой живёт, предчувствуя плачевный конец, и в финале действительно совершает подвиг, открыто заявляя о том, что не признаёт новую власть. Его арест – сцена явно недопустимая для поздних рассказов Зоценко. В большинстве из них создаётся иная картина, идеально соответствующая антирелигиозной кампании. Священники уже не вызывают сочувствия, но и арестовывать их никто не собирается. Общее послание литератора читателю таково: никто не мешает вам исполнять религиозные обязанности, но имеет ли смысл это делать, когда знамя веры находится в столь ненадёжных руках?

Рассказ «Монастырь» заставляет вспомнить «преступных священников» из готических романов «Итальянец» А.Радклифф и «Мельмот Скиталец» Ч.Р.Метьюрина. В первом из упомянутых произведений монах Скедони пытается уничтожить наследника богатой семьи, чтобы прибрать к рукам всё состояние, а в «Мельмоте» духовник семьи де Монсада настаивает на том, чтобы один из сыновей, Алонсо, принял постриг, а впоследствии монах-преступник убивает другого брата, с расчётом на то, что деньги перейдут в распоряжение аббатства. Монастырь, описанный Зоценко, вполне сопоставим с тем, в который попадает Монсада, поскольку большая часть его обитателей руководствуется корыстными намерениями. Показателен и «аттракцион», который привлекает в монастырь посетителей: один из монахов «настойку из мух пил натошак»³. Мухи издавна ассоциировались с дьяволом, сатаной. Появляется характерный для антирелигиозных рассказов Зоценко приём: священники либо соблазняются, занимаясь недостойными делами, либо сомневаются в существовании Бога («Рассказ о попе», «Исповедь»), либо, поддавшись чувствам, начинают использовать в своей речи бранные слова, также соотносящиеся с нечистой

силой («Какого чёрта!»⁴ (речь игумена монастыря); «Ну, говорит вас, трамтарарам, к чертям собачьим!»⁵ (с этими словами монастырь покидает молчальник), «А теперь вы, собаки, около моей двери шум поднимаете»⁶ (так обращается к взбунтовавшимся прихожанам «молодой, энергичный поп» из рассказа «Живые люди»). Зачастую показано, что сами священнослужители дискредитируют церковь. Так, например, в рассказе «Шумел камыш» пьяный батюшка оказывается не в состоянии достойно отпеть покойную, исполняя фольклорную песню, посвящённую плотским утехам. Цинично звучит и ответ святого отца на сделанное ему замечание: «Когда я выпивши, я почему-то всегда сворачиваю на эту песню. Усопшей это безразлично, а что касается родственников, то мне решительно на них наплевать»⁷. Жадность священников описана в рассказах «Пасхальный случай» и «Сторож». Характерно, что во втором произведении поп отказывает сторожу от церкви только из-за того, что главный герой потребовал выплатить полагающиеся ему по закону деньги. В рассказе «Роза-Мария» священник тоже не желает крестить ребёнка Лебедева, но данное нежелание обусловлено хамским поведением отца и полным непониманием родственниками церковных традиций. Батюшка не корыстолюбив, он предлагает вернуть Лебедевым деньги. Можно сказать, что здесь и появляется образ «прихода».

«Ещё в 1913 г. автор учебного церковного права Н.Суворов писал: «Массы народные могут оставаться в неведении относительно умозрительных догм вероисповедания, но крепко держаться за обряды». Действительно, накануне 1917 г., несмотря на нарастающий религиозный индифферентизм, большинство населения Петрограда исполняло религиозные обряды крещения, венчания, отпевания. Освящение актов рождения, бракосочетания и смерти служителями религиозных культов было нормой повседневности. Новая власть правовым путём установила свой контроль над этими сторонами человеческой жизни, регулируемые ранее «обычным правом» церкви»⁸. Иными словами, для большин-

⁴ Зоценко, М. Монастырь.... – С. 191.

⁵ Зоценко, М. Монастырь.... – С.192.

⁶ Зоценко, М. Живые люди // М.Зоценко. Соб. соч. в трёх томах. Л.: Худож. лит-ра, 1986. – Т. 2. – С. 325.

⁷ Зоценко, М. Шумел камыш // М.Зоценко. Соб. соч. в трёх томах. Л.: Худож. лит-ра, 1986. – Т. 2. – С. 319.

⁸ Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н.Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 171.

³ Зоценко, М. Монастырь // М.Зоценко. Соб. соч. в трёх томах. – Л.: Худож. лит-ра, 1986. – Т. 1. – С. 189.

ства советских обывателей значения церковных обрядов были утрачены (или их не было вовсе), оставалась пустая форма, которая связывалась отнюдь не с духовным началом, а с материальными сторонами. Критикуя служителей культа, Зощенко иронизирует и по адресу недалёких прихожан. Так, например, герой «Пасхального случая» не посещает церковь вовсе не потому, что осознал своё заблуждение, а исключительно по причине того, что дьякон наступил ему на кулич. Персонажи не понимают сути происходящих ритуальных действий. Первому приятно «жрать куличи», второму – кричать «дорогие лозунги», но веры нет в обеих ситуациях. В поедание блинов превращается праздник Масленицы в рассказе «Теперь-то ясно», а наклонявшаяся в церкви до того, что не может встать с дороги, бабка Анисья готова продать душу дьяволу, лишь бы добраться до дома («Чёрт»). Характерно, что в речи героини переход от веры к продаже души совершается на протяжении всего лишь одного абзаца: «Ох, - думает бабка, – ежели я тут скончаюсь, то мне, конечно, зачтётся. Бог-то всё видит. Но только мне тут немисливо, худо скончаться. (...) Ох, думает, дала бы я полжизни, только б мне очутиться в Стружках! Да что полжизни. Чёрту бы самому душонку продала»⁹. Подобное легкомыслие усердно молящейся бабки Анисьи свидетельствует о нестойкой вере, отсутствии глубинного понимания христианства. В своих речах она будто жонглирует Богом и чёртом, переключая их в бытовой контекст: кто быстрее доставит до дома – тот и лучше. В данном случае можно говорить о том, что граждане Советской России оказались удобными объектами для проведения антирелигиозной кампании. Изменились формы, а деконструировать значе-

ния новым властям не потребовалось – они отсутствовали у большинства «верующих».

Однако в рассказах Зощенко 1930-х гг. встречается и «камень в огород» тех, кто боролся с религиозным «дурманом». В уже упомянутом рассказе «Шумел камыш» отпевают умершую старуху: момент характерный для повседневной жизни ленинградцев 30-х годов XX века. «Стариков (в 30-х гг. в Ленинграде – КП) чаще всего приходилось хоронить по церковным обрядам, о чём свидетельствуют документы комиссии по вопросам культов»¹⁰. Приструнить распоясавшегося священника должен прибывший по свистку милиционер, который нагло отказывает родственникам усопшей в этой просьбе, фактически провоцируя драку. Цинизм священника и представителя новой власти уравниваются, будто указывая на столкновение двух равных по воздействию на умы советских граждан мифологий.

Проделанные наблюдения над произведениями писателя в контексте повседневной жизни ленинградцев позволяют указать на то, что наряду с откровенно антирелигиозными выпадами в произведениях Зощенко появляется и сочувствие к священникам, и ирония по поводу формального, крайне материального подхода к духовным делам советского обывателя. Точная фиксация изменений, происходивших в повседневной жизни, сочетается с вечными темами отечественной литературы.

⁹ Зощенко, М. Чёрт // М.Зощенко. Соб. соч. в трёх томах. – Л.: Худож. лит.-ра, 1986. – Т. 1. – С. 186.

¹⁰ Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю .... – С. 206.

ANTIRELIGIOUS RHETORIC IN M.M.ZOSHCHENKO'S LITERARY WORKS

© 2015 K.S.Pozdnyakov^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

This article considers some forms of antireligious rhetoric in M.M.Zoshchenko's literary works. From the first years after the end of the Civil War the Soviet government struggled for power with Orthodox Church. The article also proves that Zoshchenko's works can't be treated as the propaganda of atheism. The writer creates a fair illustration of the process, showing that faith in its profound meaning does not exist.

Key words: religion, everyday life.

^o Konstantin Sergeevich Pozdnyakov, Candidate of philology, Associate professor, Senior researcher of Department of Russian and foreign literature and literature teaching methodology. E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru